

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Мир вокруг: животные, люди,
места, явления

Цель: ознакомиться с новыми направлениями междисциплинарных исследований в современном литературоведении.

Ключевые слова: теория, пространство, мир, сеть.

Составляя антологию «Теория литературы», Джулия Ривкин и Майкл Райан включили раздел, в котором объединили работы, посвященные изучению отображения в литературе вопросов, относящихся к теории человеческого существования. В вводной статье они обосновывают свой выбор этого материала. Рассмотрим их аргументацию, чтобы определить, как изменился взгляд человека на мир и как расширились рамки современной литературы и, шире, гуманитарного знания.

К теории человеческого существования

Социология, политология и культурология все более приближаются к литературе, утверждают Д. Ривкин и М. Райан. Читая рассказы таких талантливых писателей, как Элис Монро, мы видим и чувствуем, как развивается жизнь. Нам близок жизненный опыт персонажей, мы понимаем их переживания. Эти переживания находятся в движении; это не статуя или фотография, что-то зафиксированное во времени, ограниченное и четко определенное в пространстве или контурами тела.

Социологи говорят о том же, но они, как правило, предпочитают использовать такие термины, как «система», «структура» и «идеология», которыми исследователи описывают абстрактные аспекты реальности или находящиеся довольно далеко от реального опыта, от того, как течет жизнь и что в ней происходит.

Все больше это расстояние между абстракциями и реальностью сокращается. Социологи находят новые способы говорить о жизни, которая приближается к тому, о чем пишут писатели. Культурный антрополог Кэтлин Стюарт, например, пишет квази-вымышленные фрагменты прозы, когда записывает и воссоздает жизнь жителей Аппалачи. Этот новый подход к знаниям является результатом значительных изменений в социальных науках в частности, и в науке в целом.

Живой мир

До недавнего времени человеческое знание предполагало, что мир является объектом, противоположным субъекту – человеку, и мы используем это знание в концепциях и методах гуманитарных и социальных наук. Наши ментальные представления отображали мир и делали его узнаваемым. Мир оставался где-то там, а наши знания здесь. Все прекрасно и хорошо, за исключением того, что мы сами являемся частью этого материального мира, а сам мир часто обладает субъективностью. Он одушевленный, от бактерий до сородичей-животных. Более того, границы, которые якобы разделяют эти сферы в нашем сознании, редко существуют в реальности. Концерт Бейонсе может быть культурным событием, но это также передача аффективного опыта и эротической страсти. Это физический материал в другой форме: звук, движение, образ.

Точно так же, когда мы познаем мир, мы создаем ментальное представление о нем, но это есть и биологическое действие, утверждают Д. Ривкин и М. Райан. Если обратить пристальное внимание на дискуссии по теории литературы, то мы поймем, что речь идет о биологическом воздействии нашего ментального познания, которое часто заряжено агрессией или нарциссической энергией, предназначенной для достижения материальных результатов, которые часто принимают форму эмоциональных аффектов, например, злорадства или удовольствия от падения другого.

Отношения и сеть

Вытесняя человека (субъект познания) из его положения, противоположного объективному миру, и погружая его в этот мир, недавняя постгуманистическая и новая материалистическая теории разрушили границы, которые определяли прежний субъектно-объектный дуализм, выражающийся в оппозициях: общество и наука, культура и природа, технологии и телесность, человек и животные, воображение и материя и т. д.

Решающим термином в этом новом способе понимания человеческого познания является отношение. Вещи существуют по отношению друг к другу. Простая идея структурализма XX века, которая состоит в том, что единицам языка придается их идентичность в соответствии с отличиями друг от друга (т. е. в отношении), сначала перекочевала в философию (и породила деконструкцию), а затем перекочевала в социальные и естественные науки. Вещи теперь воспринимаются все чаще с точки зрения отношений (в пространстве между собой и во времени, в движении из прошлого в будущее).

Другим важным термином является сеть. Чаще всего мы обособляем объекты и события, и рассматриваем их как части протекающих во времени процессов и как части материальных полей, растянутых в пространстве. Но вещи переходят из состояния в состояние, меняют формы, имеют последствия и создают новые конфигурации. Природа и материя динамичны, а отдельные объекты, взятые для изучения как единичные и изолированные, лишены множества их свойств и черт.

Философия эпохи Ренессанса с момента возрождения аристотелизма приняла как истинное положение о разделении разума и материального мира, о стабильности мира и его способности принимать форму простого объекта. Однако в философии существовала и существует альтернативная традиция, и со временем в науке (математике и других областях знаний) сложились соответствующие теории и направления исследования, которые ее отражают.

Альтернативная позиция таких философов, как Демокрит, Лукреций и Гераклит, выражалась в том, что рассматривала физический мир как динамичный и сложный. Он не состоит из плоских вещей или предметов в штучной упаковке. Кажущиеся отдельными объекты существуют в движении; они меняются и преобразуются; они воплощают в себе определенные силы; они принадлежат к сферам и сетям, которыми они отделены друг от друга и от которых они неотделимы; они демонстрируют уровни физического существования, которые не видны и не могут быть видны; они представляют собой временную стабилизацию материи, событий, но не состояний, – «становясь», а не «будучи». В конечном итоге они растворяются и принимают другие формы. Учитывая, как долго материя, составляющая наши тела и наши мозги, существует и будет существовать после нашего ухода, может, имеет смысл говорить о нашей смерти, а не о нашей жизни, размышляют Д. Ривкин и М. Райан.

Теория сложности

Акцент на изменение и нестабильность в альтернативной материалистической философской традиции от Лукреция до Делеза получил поддержку со стороны недавней научной работы о теории нелинейной биологии и сложности. Теория сложности отмечает, насколько физический мир является динамичным и неожиданно возникающим.

Новые сочетания материи позволяют создавать новые состояния, поддерживать свой виртуальный потенциал, например, цвет цветка создается тысячами компонентов, ни один из которых сам по себе не является цветом. Десять человек, стоящих на городской площади, могут быть одной семьей; миллион человек превращает это в политическое движение. Количество, как отметил Гегель, меняет качество. Все митохондрии в наших клетках мозга составляют материю, пока она не собрана вместе в высшей форме организации, где она воспламеняется в сознание.

Сущность, как отмечает Мартин Мэдес, представляет собой систему сложных отношений, отображаемую несколькими осями (история, культура, эстетика), чью текущую форму трудно

предсказать. Она динамически развивается со временем, реорганизуя себя заново каждые несколько лет в новых исторических и культурных контекстах. Автор, подобный Элис Монро, появляется со временем как каноническая фигура, изменяя эстетические категории. Ее тревожные описания грубой телесности становятся более приемлемыми, появляется постепенное осознание значения ее работ, и в какой-то момент происходят изменения, которые нелегко было предсказать или смоделировать заранее; и эти перемены в понимании и оценке перемещают ее с края к мейнстриму.

Биология также разрушила наше чувство сингулярности организмов и линейность органической жизни. Границы организмов неясны, поскольку их существование зависит от среды, с которой сливается их телесное существование в виде потребления пищи, дыхания и даже познания. Идентичность, с биологической точки зрения, обязательно является экологической и симбиотической. Мы находимся в состоянии постоянного симбиоза с бактериями вокруг и внутри нас. Кроме того, компоненты любого организма сами по себе являются неорганическими и безжизненными. Жизнь возникает из безжизненных ингредиентов. Мы состоим из материи, которая одолжена нам и которая не является «нами» в том смысле, что она безлична и не субъективна. В результате невозможно отделить культуру от природы, мысль от материи. Нельзя сказать, что «мы» определены, потому что нет никакой разницы между «мы» и тем, что нас определяет.

Вопросы, относящиеся к теории существования человека

Важнейшей сферой интереса нового взгляда на материю в гуманитарных и физических науках является граница между людьми и другими формами жизни, например, животными. С материальной точки зрения люди существенным образом не отличаются от других существ. Растворяя человека в общей материальности, из которой он состоит наряду с другими формами жизни, новые теоретики-материалисты, такие как Джорджио Агамбен, Бруно Латур и Донна Харауэй, стремятся создать новое «постгуманистическое» понимание того, что значит для человека существовать в природе.

Гуманизм отделяет человеческую жизнь от природы и позиционирует природу как сложную, тревожащую «другую», которая нуждается в управлении, чтобы поддерживать социальное бытие. Новые материалисты, напротив, утверждают, что лучше рассматривать людей и природу как единое целое, как часть взаимосвязанной материальной сети.

Значительная часть критических работ возникла вокруг этих идей, и особенно животные вышли на первый план в качестве темы, вызывающей серьезную озабоченность. Некоторые из примеров очевидны – «Моби Дик» Германа Мелвилла, например. Но и другие авторы, в чьих произведениях были хорошо разработаны проблемы и вопросы изображения мира человека и природы как целого, внесли свой вклад. Например, такие писатели, как Вирджиния Вулф, оказали помощь в изучении отношений человека и животных.

По словам Вики Троманхаузер, присутствие животных в «Миссис Дэллоуэй» является неслучайным. Когда сочувственно изображаемый Септимус Смит в какой-то момент видит мир с точки зрения собаки или слышит птиц, поющих по-гречески, когда он впадает в безумие и в конечном итоге доходит до самоубийства, он выходит за рамки строгих позитивистских научных знаний, ассоциируемых с врачом, который заставляет его уничтожить себя. Доктор представляет собой гуманистическую лабораторию объективной науки в ее крайней форме. Он убивает то, что является объектом его анализа. Напротив, альтернативная этика сочувствия и эмпатии В. Вулф растворяет границу, которая отделяет людей от окружающего их мира.

Еще один способ переосмыслить значение человека как категории и идеала – это рассмотреть его с точки зрения представлений о телесной и когнитивной нормальности, которые преобладают в человеческой культуре. Эти нормы поощряют практику маргинализации, изоляции и отдельного поселения в отношении лиц с физическими и когнитивными нарушениями, начиная с речевых нарушений или таких синдромов, как аутизм, и кончая амбулаторными ограничениями и психическими заболеваниями.

Ряд критических и теоретических проблем были сосредоточены на дискуссии, посвященной исследованиям инвалидности. Некоторые рассматривают дееспособность и ограниченность физических возможностей в качестве сконструированных (созданных) норм или концепций, которые согласуются с другими социальными механизмами для сортировки популяций на те, которые считаются нормальными, и те, которые считаются менее достойными. Физическое описание часто служит целям оценочных суждений, которые возникают в рамках дискурсов расового превосходства. Нацистский опыт Германии в период между Первой мировой войной и концом Второй мировой войны особенно примечателен тем, что он проецирует нормы физической красоты, которые маргинализировали и подчиняли целые подгруппы людей с физическими недостатками.

Таким образом, нормы эйблизма (дискриминация и социальное предубеждение против инвалидов) теперь оказываются в центре внимания как объекты критического рассмотрения.

Одни теоретики по вопросам нетрудоспособности сосредотачиваются на опыте людей с ограниченными возможностями и расширении их прав и доступных им медицинских услуг. Гуманитарные науки стремятся ввести медицинский дискурс в литературные критические дискуссии.

Другие теоретики обращаются к идее инвалидности с целью стереть различие между здоровыми людьми и людьми с ограниченными возможностями. С чисто материальной (физической) точки зрения нет никаких норм; есть только возможности, разные творческие итерации (повторы) эволюционного характера, некоторые из которых соответствуют современным мажоритарным стандартам, а другие указывают на альтернативы. С эволюционной точки зрения мы все мутанты. Генетических норм нет, есть просто неустойчивые, хрупкие механизмы генетического материала в самых разных формах и проявлениях.

Когда мы умираем, то становимся нашей окружающей средой, сливаясь с окружающей нас материей, землей. Однако на протяжении всей жизни мы оказываемся в плену гуманистической иллюзии, которая заставляет нас думать, что мы отделены от земной материи.

В 1960-х годах экологи начали оспаривать эту ограниченный гуманистический взгляд и призывать к тому, чтобы во имя человечества и выживания земли внимание уделялось более широкому материальному миру, в котором живет homo sapiens.

К 1970-м годам Шэрон Глотфельти, Гарольд Фромм и другие начали вводить экологические проблемы в литературное исследование. Первоначально экокритическое движение фокусировалось на земле и способе представления земли или ландшафта в литературе.

Гораздо позже специалисты по биорегиональным исследованиям начали изучать то, как пересекаются физический и экономический регионы, так что социальный класс и географическое положение становятся одинаково важными аспектами литературы, часто переплетающимися и неотличимыми в изображении человеческих жизней.

Например, «Моя Антония» Уиллы Кэсер описывает жизнь иммигрантов в суровом, но благоприятном ландшафте, уже многослойном с явно выраженными признаками предыдущего социального устройства. Некоторые из них живут на земле, устраивая жилье в виде норы, похожей на те, что сооружаются соседствующими видами животных. По мере того, как их жизнь развивается, некоторые из них переезжают в город и изменяются в новых условиях, озадачиваясь получением доступа к тому виду выживания, который возможен посредством денег. Образ Антонии в какой-то степени изображается как образ красивого животного, и она противопоставляется городским девушкам, которые приспосабливаются к поиску денег как основного средства выживания.

Одним из следствий нового материализма и нового акцента на биокультуру является то, что культура и природа предстают перед нами теперь неотделимыми. Наука подтверждает материальность культуры. Изучение дискурса демонстрирует, что слова оказывают физическое воздействие на мозг, а разные области мозга активируются и реагируют по-разному в ответ на эти слова. Но в равной степени физическая материя мозга для достижения его полного развития зависит от культуры. Мозг эволюционирует таким образом, что без надлежащего воспитания в форме семиологических подсказок культурной среды он не созревает до своих максимальных возможностей. Эволюция умудрилась сделать социальное обучение неотъемлемой чертой биологической жизни.

Перечисленные взаимосвязи, обусловленные единством мира природы и человека, находят выражение в современных междисциплинарных исследованиях, некоторые направления которых представлены в последующих лекциях.

Вопросы для закрепления темы:

1. За счет каких актуальных проблем расширились рамки литературоведческих исследований в современной теории литературы и литературной критике?